

С.Г. Струмилин

**Очерки экономической истории России и
СССР**

**Москва
«Книга по Требованию»**

С11 **С.Г. Струмилин**
Очерки экономической истории России и СССР / С.Г. Струмилин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 516 с.

ISBN 978-5-458-34283-4

Только в пристальном изучении прошлого мы находим объективную мерку тех масштабов и темпов развития, какие столь характерны для мощных сдвигов и грандиозных социальных преобразований нашего времени. Только изучив прошлое, мы сможем и в настоящем четко отличать пережитки от зачатков будущего. А эти пережитки тянут нас назад. Их необходимо преодолевать. Вот почему для борцов за лучшее будущее даже на страницах далекого прошлого зажигаются путеводные огоньки, ведущие вперед, в страну красных зорь грядущего. В поисках этих огоньков обращался не раз и я к прошлому в предлагаемых ниже исторических очерках. Первые из них написаны уже много лет тому назад, другие совсем недавно. Но все они, как мне кажется, представляют все же известное единство в общем подходе к экономической истории нашего прошлого и задачам ее изучения. Мое внимание к тому же привлекали лишь наиболее интересные процессы развития и переломные моменты в истории нашей великой Родины. И уже поэтому хочется думать, что в нашей стране эти очерки найдут своего читателя.

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

фактуре вовсе не исключала широчайшей эксплуатации труда крепостных и дворовых холопов. И даже Октябрьская революция, как известно, далеко не сразу исключила возможность одновременного сосуществования на территории СССР всех пяти социальных укладов. Одна форма хозяйства, сменяя другую, зарождается еще задолго до полного изживания предшествующей, постепенно развивается в борьбе с нею в собственных ее недрах и в конце концов достигает господства, разрушая в бурном кризисе не только экономическую базу, но и все государственно-правовые надстройки отжившей формации. Но и после такого кризиса остатки и пережитки отмирающей формации борются с новыми формами, задерживая их развитие.

Окончательная победа в этом соревновании различных форм хозяйства, как известно, всегда обеспечена за новейшей, наиболее передовой и производительной. Но этой победе обычно предшествует весьма затяжная и ожесточенная борьба, которую можно рассматривать как переходный этап от одной стадии развития к другой. Теоретически наряду с господствующей формой хозяйства всегда мыслятся отмирающие и вновь зарождающиеся его формы и ступени. Но практически далеко не всегда определяется момент, когда господство одной из форм переходит к другой. К сожалению, как заметил уже Карл Маркс, «эпохи истории общества, подобно эпохам истории земли, не отделяются друг от друга абстрактно строгими границами»¹. «*Hard and fast lines*», — говорит Ф. Энгельс, — несовместимы с теорией развития»². Но диалектика учит нас правильно видеть наряду с «или — или» также и «как то, так и другое». Именно поэтому приходится иной раз говорить о таких гибридных формах, как «полупатриархальный, полуфеодальный быт». Именно поэтому одной из занимательнейших задач исследователя в области экономической истории является не столько строгая периодизация ступеней развития и датировка переломных моментов в смене борющихся форм хозяйства, сколько изучение сравнительных уровней производительности каждой из них в тех конкретных условиях, в которых протекает эта борьба во всем своеобразии ее проявлений на данном этапе развития и в данной стране.

Нам очень мало известно о первых ступенях дофеодального развития нашей страны. О временах кремневых орудий, первобытнообщинного строя и матриархата, в семейном быту славян нам открываются лишь немногие, полустертые веками следы. Но можно не сомневаться, что уже на этих первых ступенях в закономерной смене орудий труда и систем хозяйства — от охотничьего быта к кочевому скотоводству, а затем и к оседлому земледелию — все решающие сдвиги на путях к феодализму были уже связаны с ростом производительности труда. О масштабах этих сдвигов можно судить хотя бы по следующим фактам.

Дикарям в еще не столь давние времена, чтобы свалить каменным топором одно лишь дерево, требовалось долбить его с адским терпением не менее «одной луны», т. е. около месяца, а железным топором его можно срубить и за полчаса, значит, в сотни раз легче и скорее. Можно себе представить, в какой мере это облегчило переход наших предков к условиям хотя бы самого примитивного подсечно-переложного земледелия.

А вот другой факт. Мы знаем, что земледелие даже в условиях рабского труда было продуктивнее патриархального кочевого скотоводства и потому повсеместно приходило ему на смену. Но уже во времена Римской империи опыт показал, что рабам для вспашки одного гектара на волах требуется не менее 16 дней, а оброчный колон на своей делянке вспахивает столько же земли вчетверо скорее. И всемогущий рабовладельческий Рим сдал свои позиции полудиким «варварам», усвоившим, однако,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 382.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 527.

раньше других столь ясные преимущества новой, феодальной системы хозяйства. В числе этих «варваров», как известно, были и славяне.

Только в пристальном изучении прошлого мы находим объективную мерку тех масштабов и темпов развития, какие столь характерны для мощных сдвигов и грандиозных социальных преобразований нашего времени. Только изучив прошлое, мы сможем и в настоящем четко отличать пережитки от зачатков будущего. А эти пережитки тянут нас назад. Их необходимо преодолевать. Вот почему для борцов за лучшее будущее даже на страницах далекого прошлого зажигаются путеводные огоньки, ведущие вперед, в страну красных зорь грядущего.

В поисках этих огоньков обращался не раз и я к прошлому в предлагаемых ниже исторических очерках. Первые из них написаны уже много лет тому назад, другие совсем недавно. Но все они, как мне кажется, представляют все же известное единство в общем подходе к экономической истории нашего прошлого и задачам ее изучения. Мое внимание к тому же привлекали лишь наиболее интересные процессы развития и переломные моменты в истории нашей великой Родины. И уже поэтому хочется думать, что в нашей стране эти очерки найдут своего читателя.

I. О МЕРАХ ФЕОДАЛЬНОЙ РОССИИ ¹

Всяким экскурсам в область экономической истории любой страны должно предшествовать изучение мер, в которых фиксировались факты хозяйственного значения в данной стране на разных этапах ее развития. Нельзя забывать, что и меры, как и все другие явления, переживают во времени свою историю. И даже при неизменном наименовании конкретное их значение во времени и пространстве представляет зачастую величину весьма переменную. В древней России не было никакой Палаты мер и весов, где бы собирались и сохранялись образцовые эталоны всех имеющих в ней хождение единиц измерения. И за отсутствием такой исторической коллекции эталонов наша задача свести воедино все необходимые для нашего исследования сведения о них очень затрудняется.

Для сравнения с мерами древнейшей Руси мы будем отталкиваться от той системы эталонов, которая дожила до последних дней царской России в качестве *официально* установленных, «казенных» единиц измерения. Но, обращаясь к более глубокому прошлому, не следует забывать, что в этом прошлом далеко не всегда можно было среди большого многообразия бытовавших единиц измерения выделить такие повсеместно общепризнанные и узаконенные меры. В период феодальной раздробленности древнейшей Руси их и быть не могло, а в последующий, царский период Московского государства они только постепенно устанавливались центральной властью. Лишь в эпоху Ивана IV (ум. в 1584 г.) один из его опричников, немец Г. Штаден, подводя итоги деяний этого грозного царя, мог обобщить их в следующей формуле: «Нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей его державе одна вера, *один вес, одна мера*»². Однако и столетием позже другой иноземец, швед Кильбургер, отмечал хождение в Московском государстве весьма различных мер областного происхождения. Под одним и тем же названием в разное время бытовали весьма различные меры местного или специального назначения. И разобраться в этом их многообразии — нелегкая задача, тем более, что в литературе по этому вопросу имеются довольно существенные расхождения мнений. Но все же важнейшие в этой области факты мы вкратце подытожили и можем предложить вниманию читателя.

1. МЕРЫ ЛИНЕЙНЫЕ

В дореволюционной царской России, как известно, узаконены были с Петровских времен следующие меры длины: 1 верста = 500 сажням, 1 сажень = 3 аршина по 16 вершков, или 7 футам по 12 дюймов. При этом сажень равнялась примерно 2,13 м, аршин — 71,1 см. Футы и дюймы совпадали по величине с английскими мерами того же наименования и, очевидно, были ввезены Петром в Россию в связи с его практикой кораблестроения. Но аршин был известен и много раньше. В частности,

¹ «Вопросы истории народного хозяйства СССР». М., 1957.

² Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. Перев. И. И. Полосина. М., 1925, стр. 113.

Кильбургер, посетивший Москву в 1674 г., сохранил нам на чертеже изображение четверти русского аршина того времени. Из этого чертежа аршин второй половины XVII в. определяется в 71,8 см¹. По «Торговой книге», составленной не раньше 1575 г., 43 русских аршина равнялись 52 любским локтям, откуда аршин определяется в 69,8 см. Учитывая неизбежное колебание в длине отдельных кустарных экземпляров аршина и в точности их измерения, можно установить, что и в XVI—XVII вв. старый русский аршин в 70—71 см длиной не отличался заметно от новейшего, приравненного в XVIII в. 28 английским дюймам.

Судя по наименованию, русский аршин ведет свое начало с Востока, из Турции или Ирана через Закавказье. При этом турецкий «аршин», или «большой локоть», и по своей величине мало отличался от русского аршина, составляя 68,7 см, или 98,4% его длины по «Торговой книге» 1575 г.

Локтем как естественной мерой длины искони пользовались многие народы, в том числе и наши древнерусские соотечественники. В «Торговой книге» XVI в. записано равенство: «2 аршина будет 3 локтя», откуда длина русского локтя XVI в. определяется в 46,5 см. Известны и более длинные локти, например польский (до XVIII в.) — в 59,6 см, литовский — в 65 см. Локоть на Руси известен со времен «Русской Правды». В «Хождении игумена Даниила в Святую землю» начала XII в., между прочим, определены в локтях размеры так называемого гроба господня: длина — 4 локтя, ширина — 2 локтя. По более поздним измерениям тех же величин получаем равенства: 4 локтя XII в. = 41 новейшему вершку и 2 локтя = 21 вершку, откуда локоть XII в. составлял от 44,5 до 46,6 см, не отличаясь от своего значения и в XVI в.²

Казенная *сажень* в 3 аршина, официально узаконенная в Уложении 1649 г., употреблялась и раньше в этом значении *трехаршинной* меры. Например, в 1610 г. при разделе варниц одному из Строгановых досталась часть двора «мерою в длину... 40 сажень печатных, *трехаршинных*»³. Но наряду с нею очень долго бытовали и иные сажени, меньшей длины. Например, в источниках XVI—XVII вв. упоминается так называемая *трубная* сажень в «полтретья аршина 2 вершка», т. е. в 42 вершка; известны также так называемые *косая* и *маховая* сажени, связанные с ростом человека⁴. Вместе с тем заслуживает внимания, что узаконенная в Уложении 1649 г. сажень, «которая ...по государеву указу сделана в 3 аршина», названа *новой*. И это понятно, ибо аршин, пришедший на смену локтю, тоже *новая* мера, неизвестная нашим памятникам старше XVI в., а сажень известна уже памятникам XI—XII вв. И, по-видимому, *старая* сажень, до появления аршина, подразделяясь на локти, составляла 3 локтя. Косвенное подтверждение этому находим в древней надписи на так называемом Тмутараканском камне. Эта надпись свидетельствует, что ширина Керченского пролива, измеренного князем Глебом по льду в 1068 г., составляла от Тмутаракани до Корчева 14 000 «сажен». В трехаршинных сажнях это составило бы около 28 верст, в трехлокотных сажнях — около 18,67 версты, т. е. в 1,5 раза меньше. Современная нам ширина этого пролива — от Тамани до Керчи соответствует меньшей из этих величин. Таким образом, *старая* сажень не превышала 3 локтей (142,2 см), или $\frac{2}{3}$ *новой*.

¹ Б. Г. Курд. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915, стр. 156. На стр. 382 приведен еще один чертеж, ошибочно названный четвертью аршина, но фактически дающий четверть стокопольского локтя.

² Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки» 1946, № 19, стр. 301.

³ Там же, стр. 321, 322.

⁴ Косая сажень — от большого пальца левой ноги до среднего пальца вытянутой вверх правой руки — около 42 вершков, маховая — в размерах обеих горизонтально вытянутых рук — около 2,5 аршина.

Указанная в Уложении 1649 г. *путевая* верста составляла 500 новых, трехаршинных, сажений, или 1067 м. Но наряду с ней Уложение знает и другую, *межевую* версту специального назначения — для измерения крупных лесных и земельных площадей, равную 1000 сажений. А по Кильбургеру, во второй половине XVII в., т. е. уже после Уложения 1649 г., в Московском государстве бытовали и иные версты — в 520,8 сажени, в 651 сажень и др.¹ Однако в официальных документах, например в наказах писцам, уже со времени Ивана IV, по свидетельству Татищева, значилось: «...а верста *пятьсот* сажен царских»². До XVI в. в версте, или «поприще», считалось по 7,5 стадий, или 750 сажений³. Но это, очевидно, были еще *старые* сажени, по 3 локтя, и, стало быть, длина путевой версты с переходом в XVI в. от локтя к аршину не изменялась.

2. МЕРЫ ПЛОЩАДЕЙ И ОБЪЕМА

В качестве основной *меры земельной площади* в царской России вплоть до Октябрьской революции дожила казенная десятина в 2400 квадратных сажений. В качестве же соответствующей ей объемной *меры сыпучих тел* следует назвать казенную *четверть*, равную 8 мерам, или четверикам, по 8 гарнцев в каждой мере. А соответствие между десятиной и четвертью выражалось в том, что на *одну десятину* посева основных хлебов (ржи или пшеницы) требовалась как раз *одна четверть* зерна на семена. Это соответствие, подтвержденное вековым опытом земледельцев, позволяло им размер своих земельных площадей выражать не в десятинах, а непосредственно в четвертях посева.

Казенная десятина равнялась 1,0925 га. Казенная четверть вмещала 209,9 л зерна весом около 8,7 пуда ржи или до 9,6 пуда пшеницы. В соответствии с этим *четверик*, равный 26,2 л, вмещал около 43,5 фунта ржи и *гарнец* в 3,28 л — до 8 фунтов воды или 5,4 фунта ржи.

В условиях ручного сева соотношение между площадью и мерой высева в зерне было весьма устойчивой величиной во времени и пространстве. Поэтому не только у нас, но и на Западе в феодальную эпоху «наблюдается своеобразный параллелизм между мерами сыпучих тел и мерами поверхности; название последних нередко происходило от названия той меры зерна, которая требовалась для посева на данной площади»⁴. Например, на севере Франции XIII века участок земли, именуемый «буастелэ», требовал для посева одного «буассо», или бушеля, зерна; участок поля, именуемый в Артуа «манкодэ» и равный 0,22 га, засеивали одним «манко» овса⁵. Там же один акр площади приравнивался одной мезюре («мере») ⁶. В Италии около 1300 г. на один римский югер высевалась одна мера пшеницы, ржи или ячменя⁷.

К сожалению, нам не всегда известно реальное значение и происхождение этих мер площади и объема. Но любопытно отметить, что римский югер с древнейших времен «представлял площадь, которую можно было вспахать паром волов в один день»⁸. В Германии основная земельная мера — морген, сменившая собою римский югер, первоначально употреблялась в том же значении, т. е. как величина пашни, которую можно

¹ Б. Г. Курц. Указ. соч., стр. 69.

² И. Н. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. М., 1894, стр. 29.

³ Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 304. По метрологии Петрушевского, древняя Русь знала версты и в 700 сажений (стр. 436).

⁴ «Агриякультура в памятниках Западного средневековья». М.—Л., 1936, стр. 183.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 173.

⁷ Там же, стр. 306, ср. стр. 313, 316.

⁸ Там же, стр. 303. *Jugum* буквально означало — ярмо, упряжку.

вспахать за один день работы. Английский акр первоначально тоже означал площадь земли, обрабатываемую за день парой быков. В Грузии чуть не до наших дней бытовала мера земельной площади, именуемая «днем пахоты». Тесная связь всех этих единиц измерения площади с трудоемкостью пахоты очевидна. Тем не менее в Риме времен Плиния (I век н. э.) югер не превышал 0,25 га, в средневековой Германии мы встречаем уже морген на Рейне в 0,31 и на Мозеле — в 0,34 га, в Англии XIII в. акр равен 0,40 га, а в Грузии «день пахоты» достигал уже около 0,5 га. И это, между прочим, свидетельствует о росте производительности земледельческого труда.

Измерялись югеры и моргены еще в XIII—XV вв. попросту «шагами присяжных землемеров» или веревкой в 16 шагов, известной в Германии под именем «руты», или «виргаты». И хотя требовалось, чтобы шаги были «обыкновенные, как ходят перед церковью»¹, это не могло обеспечить особой точности таких измерений. И не удивительно, что мерами высева можно было определить размер пашни не хуже, чем шагами. Сравним хотя бы такой факт. Английские агрономы XIII в. утверждали, что пшеницы «высеять надо на акр по меньшей мере два бушеля»². В переводе на русские меры XX в. такой высев составит «по меньшей мере» 0,94 четверти на десятину, а с учетом того, что каждый восьмой бушель насыпался при этом с *верхом*, «горой»³, этот высев на десятину приблизится еще на 5—6% к полной четверти. Таким образом, английскую норму высева XIII в. не отличишь от русской даже семь веков спустя.

Однако русские меры площади и емкости сыпучих тел не оставались неизменными на протяжении веков.

В частности, мера площади, именуемая десятиной, появляется в наших памятниках, по-видимому, не раньше XV в.⁴ В писцовой книге Вологодского уезда 1503 г. находим запись о высева на *десятину*: «Сеяли на десятине по 2 четверти ржи. а яри вдвое»⁵. В новгородских писцовых книгах конца XV в. земля измерялась еще непосредственно объемными мерами высева — коробьями. В наказе XVI в. времен Ивана Грозного писцам сошного письма, по свидетельству Татищева, «*десятина* написана в длину и в ширину *десятая* доля версты, а верста 500 сажен царских, и в *десятине* числить *две четверти*». Из этого определения уясняется происхождение наименования «десятина». Но уже в XVI в. нормальный размер казенной десятины определлся в 2400 кв. саженей⁶.

Тот же размер указной десятины находим в царской грамоте 1623 г., адресованной в Белгород: «А пашню... велел измерить в десятины, а десятину велел мерять в длину по 80 сажень, а поперег по 30 сажень»⁷. В «Книге сошного письма» 1629 г. площадь десятины указывается тоже в 2400 саженей⁸, т. е. в той же величине, какая за ней сохранилась и до XX в. Однако если на одну десятину XVI в. сеяли две четверти ржи, а в последующие века — одну, то это объясняется удвоением объема четверти. В Псковской летописи под 1601—1602 гг. читаем: «А четверть была старая невелика, против нынешней вдвое менши»⁹. И это удвоение повой

¹ «Агрикультура в памятниках Западного средневековья», стр. 346.

² Там же, стр. 199. Акр принимаем в 0,4 га, или 0,367 десятины, бушель — 36,3 л. или 0,1732 русской четверти. По весу бушель зерна равен 28,6 кг, откуда высев на 1 га равен 143 кг, а на десятину — 156 кг, или 9,5 пуда пшеницы.

³ Там же, стр. 198.

⁴ «Акты исторические», т. I, 1490, № 100, стр. 11.

⁵ П. Н. Миллюков. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, стр. 40, 59.

⁶ Н. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899, стр. 499.

⁷ И. Н. Миклашевский. Указ. соч., стр. 35.

⁸ «Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 17. М., 1853, стр. 56.

⁹ «Полное собрание русских летописей» (далее — ПСРЛ), т. IV. СПб., 1848, стр. 321.

четверти как меры сыпучих тел, по-видимому, теснейшим образом связано с появлением новой меры площади, казенной десятины, в XVI в.

* * *

В древнейшей системе русских мер сыпучих тел, как известно, наибольшей мерой со времени «Русской Правды» была бочка, или кадь. Она подразделялась на два половника, на четыре четверти, на восемь осьмин. Кадь также и «оковами зваху; оковаху бо по верху тоя кади железным обручом, для того, что бы не лзя ея урезати»¹. В Пскове кадь, по-видимому, бытовала под именем зобницы². В Литовской Руси она дожила до XVI в. под именем бочки³. До конца XVI в. (1577—1590 гг.) бочка бытовала в торговле хлебом и кое-где на севере России. Но основной мерой в торговле XVI в. была уже четверть⁴. В Новгороде XV—XVI веков наиболее употребительной, впрочем, оказалась не четверть, а мера, именуемая здесь коробей⁵. Однако новгородская система мер не столь уж ясна. Так, например, еще Карамзин, Лешков и Аристов принимали коробей XV в. равной четверти древней кади⁶. Соколовский приравнивал ее новейшей, т. е. уже удвоенной московской четверти в 8 четвертков⁷. А Никитский определял объем ее в две новые или четыре древние четверти по 4 четверика⁸. При этом, принимая вес московской четверти ржи XVII в. в 6 пудов, Никитский должен был бы вес коробьи, равной двум таким четвертям, определить в 12 пудов ржи, а между тем он определяет его в 7 пудов, впадая таким образом в явное противоречие со своей собственной оценкой веса новой московской четверти. Вес древней кади в четыре четверти принимается им на стр. 6 в 14 пудов, откуда коробья в 7 пудов весу равна половине кади. Но уже на стр. 8, опираясь на писцовые книги 1495 г., Никитский утверждает, что «четверть, очевидно, была четвертою частью коробьи», и, таким образом, приравнивает коробью в четыре старые четверти полной кади в 14 пудов, откуда получаем нелепое равенство: 7 пудов = 14 пудам.

¹ «Русские достопамятности», ч. I. М., 1815, стр. 177.

² Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 315. Но Н. М. Карамзин и В. Лешков приравнивали зобницу осьмине (В. Лешков. О народном продовольствии в древней России. М., 1854, стр. 37).

³ В Литовском статуте 1588 г. узаконенной клейменной мерой хлеба была бочка «в чотыри корцы» — «без верху и без тресения, але подстрих» (Разд. 3, арт. 36). Там же даются указанные цены пшеницы — за копну полполтины, а за бочку «вдвое», двум «копнам» приравнивается одна «бочка» и других хлебов. В другой редакции того же статута находим иные расценки: «Жыта копа — двадцать грошей. А бочка жыта — двадцать чотыри грошы». — («Временник Московского общества истории и древностей российских», кн. 19. М., 1854, стр. 76—77). А в Литовском статуте 1529 г. и пашня измерялась бочками высева, расцениваясь, «земля пустовская — пят коп грошей, а пашни дворное бочка земли навозное — полкопы грошей, а не навозу — полтретяцать грошей, а сеножати на воз сена — по пятнадцати грошей» (Разд. 9, арт. 20). Литовский рубль = 10 гривнам = 100 грошам.

⁴ А. Г. Маньков. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.—Л., 1951, стр. 28. К сожалению, Маньков не определяет размера четверти XVI в.

⁵ А. И. Никитский утверждал, что «в Новгороде совсем не было четверти, как самостоятельной меры» («К вопросу о мерах древней Руси». СПб., 1894, стр. 21). Однако этому мнению противоречит и свидетельство Кильбургера и др. В частности, из новгородских поместных грамот видно, что еще в 1571 г. оброки крестьян взимались и коробьями «в старую меру» и четвертями и осминами «в старую меру» и четвертями же, «с обжи по шти четвертей ржи» — «в новую меру» (И. И. Смирнов. К вопросу о мерах в Московском государстве XVI века. — «Ученые записки Ленинградского государственного университета». Серия исторических наук, вып. 5. Л., 1939, стр. 23; Д. Я. Самоквасов. Архивный материал, т. II, ч. 2. М., 1909, стр. 32, 52, 132).

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VI. СПб., 1854, стр. 35; Н. Аристов. Промышленность древней Руси. СПб., 1866, стр. 290.

⁷ Считая в древней «четке» по 2 четверика (А. И. Никитский. Указ. соч., стр. 9).

⁸ Там же, стр. 11

Из писцовых книг Деревской пятины, составленных около 1495 г., действительно можно вывести, что коробыя здешних мест при учете оброков хлебным зерном равнялась четырем «четкам», или «четверткам», и 16 «четверниками»¹. Но отождествление этих местных четок и четверников с московскими четвертями и четвериками у Никитского совершенно произвольно, что и привело его к нелепым выводам. Более правдоподобно мнение, по которому коробыя равнялась *половине* древней кади, или двум старым новгородским четвертям. Но вполне достоверных данных о размерах этих мер в период новгородской независимости, до 1478 г., у нас нет, поскольку показания Кильбургера о новгородской четверти относятся к значительно более позднему времени.

С подчинением Новгорода Москве «старая коробыя», как и новгородская четверть, теряют свое прежнее значение. В новгородских писцовых книгах XVI в. московские писцы пользуются коробьей в *новую меру*, которая в сошном письме приравнивается ими двум московским «четям» высева или одной десятина. Бысев на десятину ржи составлял около одной удвоенной четверти весом свыше 8 пудов. Таков, значит, был и вес *новой* коробыи XVI в.

К началу XVII в. бочки и коробыи, по-видимому, вовсе вышли из употребления, московская четверть удвоила свой объем, а вместе с тем изменилась вся система мер емкости. В одном памятнике под 1601 г. читаем: «А прежние меры, которые имянуеми четверти, то бывало *четвертая* доля бочки, или кадки... а осьмину имяновали осмью долю бочки». В новой же системе по «Торговой книге» 1575—1610 гг. сохраняется лишь удвоенная четверть с делением на две осьмины по четыре меры, или четверика. О емкости «прежней» четверти мы имеем прямое свидетельство англичанина Д. Флетчера, побывавшего в Москве в 1588 г. Свидетельствуя об избытке здесь хлебов, он пишет, что пшеница «продается иногда по два алтына, или по десяти пенсов стерлинг *четверть*, которая равняется *почти* *трем* *английским* *бушелям*»². По метрологии Петрушевского старый английский бушель обыкновенный равнялся 1,361 русского четверика, винчестерский — 1,343 четверика, три таких бушеля не превышали, стало быть, 4,04 четверика. И если «прежняя» четверть XVI в. была все же *меньше* 3 бушелей, то в ней можно считать ровно 4 четверика, или 105 л. т. е. с рожью весом до 71 кг, или 4 пуда 14 фунтов³.

Составляя четвертую долю старой четверти, четверики, как явствует уже из их названия, возникли еще в старой системе мер емкости. И лишь с удвоением старой четверти четверик стал *восьмой* долей *новой* четверти в 210 л весом в зерне до 8 пудов 28 фунтов ржи или до 5 пудов ржаной муки.

Один из хронографов связывает появление четверика в качестве хорячей на русских рынках меры с голодом и дороговизной хлеба к началу XVII в. «Ржи четверть купиша тогда по 3 рубли и выше, — читаем мы под 1601 годом. — И *от того времени* начаша на Москве и во всех городех Русьских всякое жито *четвериками* покупати, а *четверик* имянуется *осмая* доля четверти»⁴. К этому мнению примыкает и Никитский на стр. 18 своей статьи и ссылается при этом на документ, удостоверяющий, что уже в 1591 г. муку измеряли четвериками. Но если четверик был в ходу уже в 1591 г., за 8 лет до голода, то нет никаких оснований связывать его появление с голодом 1599—1601 гг. Новая (удвоенная) четверть, в 8 чет-

¹ «Новгородские писцовые книги» (далее — НПК), т. II. СПб., 1862, стр. 841—843.

² Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 14.

³ Рожь насыпью не превышает по весу 68—69% веса воды в том же объеме.

⁴ «Русские достопамятности», ч. I. М., 1815, стр. 176—177. Сравнить «Новгородския летописи» под 1599 г.: «...был глад велик в Московском государстве по три лета, и покупали ржи четверть кади по три рубли и выше» (Издание Археографической комиссии. СПб., 1879, стр. 454).

вериков, в качестве меры емкости вошла в употребление «во всех городах русских» не позже начала XVII в. Но в качестве земельной меры «четь сошного письма», по свидетельству С. Б. Веселовского, и позже, в XVII веке, сохраняла свою начальную величину *полудесятины* соответствующую высеву зерна в объеме *старой* четверти в 4 четверика¹.

В подобном же двояком значении бытует и новгородская коробья XV—XVI вв. И приходится четко различать старую коробью, времен повгородской независимости — до 1478 года, от новой коробьи — царской эпохи. Мы знаем, что в XV в., не позже 1462 г., коневой корм черноробцами взимался еще коробьями «в старую меру», в «Актах юридических» 1556 г. мы находим уже «хлеба ржи и овса пять коробей, в *новую* меру», а в 1588 г., когда крестьяне занимают у Вязицкого монастыря коробью овса тоже «в новую меру», определяется и ее величина в 4 «осмины»². Однако здесь еще неясно, какими осьминами измерял монастырь свой хлеб, давая его в ссуду своим крестьянам, — отдаточными или приимочными и во сколько именно четвериков. Но еще в грамоте от 26 января 1556 г. содержится приказ новгородским дьякам выдавать хлебное жалованье невелиским пищальникам вместо 12 коробей по 12 четвертей ржи и овса «в новую меру, а не коробьями» с оговоркой: «А что *лишки* им хлеба вышло за новою мерою, за четвертью, и вы б тот хлеб на них доправили»³. Из данной оговорки видно, что указная замена коробьи четвертью не ставила своей задачей увеличить или уменьшить нормы хлебного жалованья и что коробья к этому времени не отличалась уже заметным образом от новой четверти. В противном случае пришлось бы приравнять 12 коробей не 12, а 11, 10 или иному числу новых четвертей. Это подтверждает, что не только в качестве земельной меры, но и в качестве меры сыпучих тел *новая* коробья равнялась уже двум *старым* четям или одной *новой* московской четверти указанной меры.

Это не исключает, конечно, того, что наряду с такой *новой* коробьей, узаконенной в практике сошного письма, бытовала долго в *местном* обиходе и старая коробья с ее подразделениями.

«Вряд ли может подлежать сомнению, — замечает по этому поводу И. И. Смирнов, — что эволюция коробьи от «старой» к коробье «новой» меры заключается в том, что, сохраняя свое существование как особой меры, коробья *изменяла* свою величину, приспособляясь к московской мере — четверти»⁴. Но в качестве *поземельной* меры высева московская четверть, равная полудесятине, сохраняла это свое значение в течение всего XVI в. А московские писцы, приравняв коробью двум «четям» сошного письма, т. е. одной десятине или 8 четверикам высева, сохранили и за *коробьей* высева это значение в течение всего XVI в. Так, например, в писцовой книге Шелонской пятины 1581—1582 гг. зафиксировано такое равенство: «пашни паханые 17 коробей с полукоробью, а четвертные пашни 35 чети»⁵. А из писцовых книг Вотской пятины 1500 г. видно, что и к началу XVI в. *обжа* в 10 четей или 5 *десятин* земли приравнивалась примерно *пяти коробьям* высева ржи в одном поле⁶. Таким образом, и в конце и в начале XVI в. новгородская коробья высева не превышала *двух*

¹ С. Веселовский. Сошное письмо, т. 2. М., 1916, стр. 363.

² «Акты Археографической экспедиции» (далее — ААЭ), т. I, № 32, стр. 24; «Акты юридические». СПб., 1838, за 1556 г., стр. 196, за 1588 г., стр. 267.

³ «Дополнения к Актам историческим», т. I, № 91. СПб., 1846, стр. 143.

⁴ И. И. Смирнов. К вопросу о мерах... — «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5, стр. 29.

⁵ К. А. Новолин. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб., 1853, в прил. III, стр. 73.

⁶ В 158 селениях этой пятины на 1008 дворов насчитано мною 878,5 обож и в них 4380,5 коробей посева ржи ($4380,5 : 878,5 = 5$) (НПК, т. III. СПб., 1868).

старых московских четей в 4 четверика. Говоря иначе, она в процессе унификации мер полностью сравнялась с новой московской четвертью в 8 четвериков и тем самым вскоре выпала из новой общерусской системы мер.

* * *

В качестве древнейших мер земельной площади, бытовавших на Руси до XVI в., следует назвать плуг, новгородские обжа и сошку и московскую большую соху. Плуг и обжа, а затем и соха вместе с тем служили издревле и единицами поземельного обложения. В первоначальном своем значении они, конечно, были связаны с трудовыми процессами. В Софийской II летописи под 1478 г. сохранилось, например, такое пояснение новгородцев к словам «обжа» и «соха»: «Три обжи — соха, а обжа — один человек на одной лошади орет; а кто на трех лошадех и сам третьей орет, ино то соха»¹. Размер «плуга» в различных областях, по-видимому, определялся по-разному, что могло зависеть от качества почвы и размера обычной запряжки — от одной до трех пар быков. Более определенно размер этих поземельных мер определяется через высев. Во второй половине XVI в. с реформой сошного обложения, когда на смену малой новгородской сошки в 3 обжи пришла большая московская в 300 десятин доброй земли и более, обжа не позже 1566 г. стала всегда приравняться «десяти четям доброй земли в поле, а в дву потомуж». «Четь» в качестве земельной меры принимается при этом равной половине казенной десятины в 2400 кв. саженей². В 1573 г. писцы записывали, например: «По старому писму, две обжи земли, а по новой мере 10 десятин, а четвертные пашни 20 четвертей в поли»³.

Отсюда заключаем, что обжа в одноконной упряжке соответствовала обычно 5 десятинам посева в каждом поле, а сошка на трех лошадях — 15 десятинам.

В ст. 58 «Русской Правды» по Карамзинскому списку находим указание и о размерах «плуга» в качестве земельной меры: «А в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовских; а того на одно лето *прибытка* на 2 плуга 100 копен ржи...»⁴. В эпоху «Русской Правды» не было еще Московского княжества. Но Ростовские земли, унаследованные Москвой, принесли ей, по-видимому, с собой и свои хлебные и земельные меры. И если на 2 плуга сеяли 16 кадей ржи, или 64 старых чети, то по нормам высева сошного письма это соответствует 32 десятинам посева. На один «плуг» приходилось, стало быть, 16 десятин пашни в каждом поле, т. е. примерно столько же, как и в новгородской «сошке» XVI в., когда на 3 лошадях сам-третьей запахивали, по-видимому, не свыше 15 десятин под ярь или озимь.

Н. В. Устюгов определяет размер «плуга» по нормам высева в 8 десятин⁵. Но это очевидный ляпсус, ибо в таком случае 32 старые четверти ржи на 8 десятин дают 4 старые или 2 новые четверти ржи, т. е. до 18 пудов высева на казенную десятину — *вдвое выше* норм высева, известных в нашей истории. Столь же необоснованно его заключение, по которому он определяет *плуг* «Русской Правды» в 5 десятин, исходя из ожидаемого «урожая» в 100 копен на 2 плуга и нормы укоса *сена* в 10 копен с десятины. Копны сена нельзя равнять копнам *хлебов*. Вместе с тем

¹ ПСРЛ, т. 4. СПб., 1853, стр. 217.

² И. И. Смирнов. К вопросу о мерах... — «Ученые записки ЛГУ». Серия историческая, вып. 5, стр. 27—28, 33—36; Д. Я. Самоковасов. Архивный материал, т. I, отд. 2. М., 1905, стр. 2, 3, 41.

³ «Русская историческая библиотека», т. 2. СПб., 1875, стр. 96.

⁴ «Правда Русская», т. 1. М.—Л., 1940, стр. 353.

⁵ Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. — «Исторические записки», 1946, № 19, стр. 306.